ДИАЛЕКТИКА СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

В. Э. СМІРНОВ¹⁾

¹⁾Институт экономики Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматривается диалектика социального института как развивающейся системы, в рамках которой осуществляется перманентное взаимодействие трех процессов: типизации форм практической деятельности; возникновения на основе типизаций в общественном сознании идеальных представлений-институций; формирования, обусловленного институциями, конкретной архитектоники формальных организационных форм существующего социума. Дано авторское определение социального института, институции и организации. На примерах из истории показана диалектика социального института при смене разных эпох.

Ключевые слова: социальный институт; организации; институции; диалектика; развитие; институциональные изменения; глобализация; типизация; хабиутализация; противоречие; материальное производство; производительные силы.

DIALECTICS OF SOCIAL INSTITUTE

V. E. SMIRNOV^a

^aInstitute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, building 2, Minsk 220072, Belarus

The dialectic of social institute as a system in which the permanent interaction of forms of human practical activity is carried out is considered. The typification of these forms creates in the public consciousness ideal view that cause the certain structure of organizational forms of human activity. The author's definition of social institution, institution and organization is given in article. The dialectic of the social institute of different epochs is shown by the historical examples.

Key words: social institution; organizations; institutions; dialectics; development; institutional changes; globalization; typification; habitatisation; contradiction; material production; productive forces.

В последние годы с проблемой экспликации понятия «социальный институт» сложилась странная ситуация. Казалось бы, это понятие всеми социологами воспринимается как само собой разумеющееся, интуитивно понятное и повсеместно используемое. В то же время в его определениях и трактовках наблюдается решительный разнобой, это касается не только самого понятия социального института, но и других, связанных с ним, например институций, организаций и т. п. В связи с этим совершенно непонятно: является ли социальный институт определенной формой типичных взаимодействий индивидов или это идеальное пред-

ставление о должных формах взаимодействия? То же касается и соотношений между ними, смысла взаимосвязи. Но главное то, что при определении социального института не учитывается его процессуальный характер, тот факт, что социальные институты, имея объективные источники развития, эволюционируют, рождаются и умирают. Этот вопрос напрямую связан с проблемой социальных изменений, под которыми естественно понимать процесс появления, изменения и ликвидации социальных институтов. Ведь рассмотрение системы социальных институтов и организаций в их статике, их классификация есть деятельность не совсем

Образец цитирования:

Смирнов ВЭ. Диалектика социального института. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;1:23–33.

For citation:

Smirnov VE. Dialectics of social institute. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;1:23–33. Russian.

Автор:

Виктор Эдуардович Смирнов – кандидат социологических наук; ведущий научный сотрудник.

Author:

Victor E. Smirnov, PhD (sociology); leading researcher.
smirnoffv67@gmail.com

научная, вернее сказать, настолько же научная, насколько деятельность К. Линнея и Ж. Б. Ламарка в сравнении с научной деятельностью Ч. Дарвина. История науки показала, что познание становится научным в полном смысле слова тогда, когда начинает изучать свой объект в его становлении. Современное понимание состояния и развития любого объекта невозможно без выяснения, какие процессы привели к этому состоянию и почему реализовались именно в такой, а не иной форме. Поэтому социолог, когда задается проблемой социальных изменений, прежде всего должен определить их источник. В этом смысле встает вопрос: насколько прав П. Штомпка в своей фундаментальной работе, когда пытается излагать теорию социальных изменений исключительно описательно, обращая внимание только на то, как происходят социальные изменения, но по большому счету игнорируя вопрос: «Почему?».

Впрочем, научное любопытство – важная, но не главная причина, по которой та или иная тематика становится актуальной для общества. Проблема развития социальных институтов как основы социальных изменений есть проблема существования общества в динамике, ибо, как говорили древние римляне, *nihil semper suo statu manet* (ничто не остается навсегда в своем состоянии). Современный порядок, как бы он ни был хорош одним и плох другим, со временем уйдет в прошлое, и необходимо восторжествуют иные социальные формы организации социума. Чтобы объяснить, какими они будут, в каком направлении они будут развиваться и как этот процесс может происходить, необходимо выяснить: что именно станет источником социальных изменений. Собственно, в этом и состоит задача настоящей статьи: обнаружить и описать источники социальных изменений, т. е. источники и причины возникновения, изменения и отмирания социальных институтов.

Нужно сказать, что понятие социальных институтов в современном понимании существовало не всегда, а появилось вместе с рождением социологической науки. Основательно это понятие вошло в научный оборот уже в работах основоположников социологии О. Конта и Г. Спенсера. Впрочем, тогда они еще не употребляли термин «социальный институт» и рассуждали об «органах» (О. Конт), «регулирующих системах» или «центрах» (Г. Спенсер). Сам термин «социальный институт» впервые использовал К. Маркс. В работе «К критике гегелевской философии права» он заметил, что общественные институты, такие как семья или государство, есть социальные формы существования человека, а в письме П. В. Анненкову от 28 декабря 1846 г. отмечал, что общественные институты являются продуктами исторического развития. Э. Дюркгейм понимал под социальными институтами все ус-
являющиеся, типичные отношения в обществе, а Т. Веблен рассуждал о них как об образцах поведения и привычках мышления. По его мнению, «...институтами являются привычные способы осуществления процесса действительной жизни в ее связи с материальным окружением, в котором живет общество» [1, с. 202]. Согласно взглядам М. Мосса и П. Фоконне, под институтами подразумевается совокупность устойчивых способов деятельности и представлений, навязываемых индивидам обществом. Р. Миллс под социальными институтами понимал форму организации социальных ролей. Взгляды современных российских социологов, в частности С. С. Фролова, базируются на понимании социального института как своеобразной формы человеческой деятельности, основанной на четко разработанной идеологии, системе правил и норм, а также на развитом социальном контроле за их исполнением [2, с. 123].

При рассмотрении приводимых определений обращает на себя внимание то, что в них отсутствует четкое разделение организованных отношений людей и систем типизированных человеческих взаимодействий, с одной стороны, и представлений о должном в системах социальных взаимодействий, о должных способах удовлетворения социальных функций, с другой. Тот же Т. Веблен, рассуждая об институтах как образцах поведения и привычках мышления, четко не отделяет их от самого поведения как такового. Под социальным институтом понимаются и фактически существующие системы социальных взаимодействий вместе с людьми, осуществляющими эти взаимодействия, и представления об этих системах в их идеальной форме, о социальных ролях и системах статусов, составляющих эти системы. В данном контексте необходимо обратить внимание на понятие «институции», которое в определенной степени и в некоторых своих интерпретациях отражает данный феномен социальной реальности, но, к сожалению, пока не получило должной экспликации. Может показаться, что требование разделять представления и обычаи, с одной стороны, и фактически существующие системы социальных типизированных взаимодействий, с другой – есть ненужная схоластика, однако мне представляется, что это не так и такое разделение имеет глубокий методологический смысл. Проблема состоит в том, что представления о должном далеко не всегда совпадают с сущим. Скорее наоборот. И именно в противоречии между должным и сущим можно, на мой взгляд, обнаружить одну из главных движущих сил социальных изменений.

Прежде всего необходимо разобраться, как и почему складываются идеальные представления о должных формах взаимодействий, как и почему изменяются, и в каких отношениях они находятся с фактически существующими системами типизи-

рованных социальных взаимодействий и поведения людей. Собственно говоря, исследуя эти вопросы, мы исследуем и философскую проблематику, пытаюсь определить, где находятся представления о должном. В дальнейшем буду называть представления о должных формах социальных взаимодействий институциями. Пока это не более чем рабочий термин.

Итак, сначала необходимо исследовать первую проблему, а именно вопрос, как появляются идеальные представления о должных формах взаимодействия людей. Для этого есть смысл обратиться к представлениям о хабитуализации, под которой понимается процесс «опривычивания» деятельностных практик. Речь идет о процессах, происходящих на уровне повседневности, о той совокупности представлений, которые часто называют здравым смыслом. Само понятие хабитуса специально анализировал и использовал французский социолог П. Бурдьё [3]. Роль хабитуализации в формировании социальных институтов также в немалой степени обоснована П. Бергером и Т. Лукманом в работе «Социальное конструирование реальности» [4]. Под хабитуализацией авторы понимают «направление и специализацию деятельности, которых недостает биологическому аппарату человека, ослабляя тем самым аккумуляцию напряжений как следствия ненаправленных влечений» [4, с. 91]. Иначе говоря, это превращение любых повторяющихся действий в типичные, когда пропадает необходимость определять каждую ситуацию заново. По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, процесс хабитуализации всегда предшествует и в определенном смысле является составной частью процесса институционализации, ведь, по их мнению, любая типизация есть институционализация.

Однако этот казался бы весьма обоснованный подход содержит подводные камни. Дело в том, что, рассуждая о типизации любых повторяющихся действий, авторы замыкаются в мире представлений, на базе которых люди конструируют и реконструируют реальность. Вопрос, что порождает эти представления, даже не ставится. Соответственно, утверждение об объективном характере конструируемой социальной реальности подвисает в воздухе, ибо не раскрывает источник объективности. Если, по мнению авторов, общество понимается (в рамках социального конструктивизма) как продукт интерсубъективности, продукт взаимодействия сознаний, то необходимо встает проблема понимания, т. е. проблема возможности взаимодействия сознаний, причем взаимодействия адекватного и продуктивного. Если в рамках данного концепта и можно говорить об источниках объективности, то таковой является традиция, где особенной значимостью обладает язык, который «объективирует опыт, разделяемый многими, и делает его доступным для всех,

кто относится к данной лингвистической общности, становясь, таким образом, и основой, и инструментом коллективного запаса знания. Более того, язык предусматривает средства объективации нового опыта, позволяя включать его в уже существующий запас знания, и представляет собой одно из наиболее важных средств, с помощью которого объективированные и овеществленные седиментации передаются в традиции данной общности» [4, с. 113–114]. И, конечно, он несет в себе всю структуру объективаций, в которую включается индивид, осваивая ту или иную лингвистическую традицию, превращающуюся для конкретного индивида в совокупность априорных форм. Но опять же возникает вопрос: «Откуда берется опыт, объективированный в традиции и конкретно в языке?» Неужели он не более чем продукт интерсубъективности общественного прошлого?

Тем не менее нужно сказать, что, несмотря на эти подводные камни, само понятие хабитуализации методологически очень продуктивно, если поставить проблему возникновения представлений (знаний) о мире повседневности с головы на ноги. Это возможно, если не ограничиваться, как это делают П. Бергер и Т. Лукман, лишь цитатами из работ К. Маркса об объективности так называемой социальной материи. Необходимо обратиться к сущностным положениям теории К. Маркса, в рамках которой в основу социальной конструкции мира кладется тот способ, с помощью которого люди производят материальные блага (осуществляя, благодаря совместному труду, свой обмен веществ с природой для себя и для других). Таким образом, как сама возможность жизни любого живого существа зиждется на способности к обмену веществ с природой (которая у человека приобретает форму трудовой деятельности), так ее имманентно совместный характер лежит в основании социальности человека и всех социальных форм, человеком создаваемых. Именно поэтому возможность взаимного понимания между условными Робинзоном и Пятницей, т. е. людьми, существующими в разных традициях и имеющих существенно отличный опыт, зиждется единственно на том, что и непосредственный опыт здесь и сейчас, и, если можно так выразиться, родовой опыт, аккумулированный в традиции, в основе своей опираются на практическую деятельность по преобразованию мира единого и для Робинзона, и для Пятницы. Само восприятие людьми друг друга лицом к лицу, когда «другой предстает передо мной в живом настоящем, которое мы оба переживаем» [4, с. 52], получает актуальность только благодаря единству практики здесь и сейчас, ибо вне ее, в мире субъективности, нет и не может быть никаких темпоральных якорей. В рамках субъективного мира и представление о здесь, и представление о сейчас весьма относительны. «Живое настоящее»

является человеку там, где осуществляется его в широком смысле трудовая (и по определению совместная) деятельность, поскольку она всегда проходит проверку на пространственное и темпоральное единство участников в рамках трудового процесса самим продуктом труда. И не удивительно, что П. Бергеру и Т. Лукману для обоснования возможности понимания между людьми «лицом к лицу» приходится апеллировать к таким материям, как эмпатия: «субъективность другого является эмпатически “близкой”» [4, с. 52–53]. Оттуда же растут ноги у весьма немалой доли примеров, касающихся сексуальных практик, которые приводят авторы в своей книге.

Но вернемся к типизации. Я понимаю ее как процесс, основанный на единстве практической деятельности людей, в первую очередь на единстве их трудовой деятельности. Именно благодаря этому обеспечивается понимание и возможность того, как пишут авторы, «две схемы типизации вступают в непрерывные переговоры в ситуации лицом к лицу. В повседневной жизни такие “переговоры”, вероятно, должны быть упорядочены в определенной типичности как процесс типичной сделки между покупателями и продавцами» [4, с. 56]. Конечно, этот процесс не есть простое случайное взаимодействие субъектов, но является взаимодействием субъектов по поводу «практического мира». Поэтому же мир повседневности, понимаемый конструктивизмом как базовое пространство осуществления типизации, есть не просто мир обыденных представлений, но и мир представлений, сложившийся по поводу совместной практической деятельности людей. Собственно, и традиция, воплощенная в языке или в иных символических системах, есть не просто опыт взаимодействия субъектов, но опыт взаимодействия по поводу исторически конкретной деятельности по преобразованию материального мира.

Такой подход, развиваемый марксизмом, позволяет с критической точки зрения рассматривать волюнтаристскую природу социального конструктивизма, ибо взаимодействия субъектов есть не случайный процесс столкновений индивидов, перемещающихся и сталкивающихся в броуновском движении, но процесс, обусловленный в конечном счете конкретной структурой общественного производства. Таким образом, повседневная реальность конструируется людьми в процессе социальных взаимодействий не случайно, а «при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются, в конечном счете, решающими» [5, с. 395]. Любая регулярная человеческая деятельность подвергается «опривычиванию», но в основе самой возможности взаимной типизации лежит единство человеческой деятельности по преобразованию материального мира.

Согласно представлениям П. Бергера и Т. Лукмана, такие взаимные типизации и есть социальные институты: «Институционализация имеет место там, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода. Иначе говоря, любая такая типизация есть институт. Что здесь следует подчеркнуть, так это взаимность институциональных типизаций и типичность не только действий, но и деятелей в институтах» [4, с. 92]. При этом видно, что процесс типизации затрагивает именно представления, а отсюда следует, что социальный институт трактуется как совокупность представлений (знаний) в сфере повседневности. Эти представления, по мнению теоретиков конструктивизма, определяют и контролируют человеческое поведение уже потому, что имеют характер само собой разумеющихся.

Однако очевидно, что социальные институты существуют в обществе не только как само собой разумеющиеся нормы и правила. Они также обосновываются в рамках теоретического знания и даже, скорее, идеологических представлений, где они утверждаются и воспринимаются в оценочном плане. В частности, в художественной сфере происходит своего рода рефлексия над комплексами представлений, являющимися, по мнению конструктивистов, институтами в рамках художественных произведений разного рода, от литературы до живописи (можно сказать, что в этом смысле искусство тем и занято, что особой формой рефлексии над социальными институтами, пропагандой либо критикой этих институтов). П. Бергер и Т. Лукман описывают эту ситуацию как процесс легитимации, которая трактуется как смысловая объективация второго порядка. Такая объективация необходима для трансляции институциональных представлений следующим поколениям. Легитимация также играет громадную роль в поддержании определенного социального порядка, организуя «монополию на предельные определения реальности в обществе» [4, с. 197].

В этом смысле имеет смысл обратить внимание на то, что, хотя в фазе легитимации в первую очередь проявляются интересы классов и социальных групп, как правило, господствующих и настаивающих на универсальности именно своих интерпретаций институциональных представлений и практик, они, пускай и не в таком явном виде, проявляются также и на стадии хабиитуализации. Поскольку типизации базируются на трудовой деятельности людей, поскольку в обществах, где господствует разделение труда, у разных социальных групп, имеющих разные позиции в этом разделении, будут реализовываться типизации отличного характера.

Но для рассмотрения дальнейшей эволюции институциональных представлений и их влияния на конкретно реализуемый социальный порядок в об-

ществе, необходимо обратить внимание на то, что в рамках объективации второго порядка эти институты приобретают куда более самостоятельный характер и в существенной степени отрываются от непосредственной деятельности людей. В этом, собственно, и состоит один из важнейших аспектов явления объективации, где опривыченные типичные действия (взаимодействия) людей, приобретая своего рода внешнюю форму существования, отчуждаются от этих действий и приобретают устойчивое, «консервативное» качество. Необходимо заметить, что в данном случае под объективацией имеется в виду не превращение в объект ощущений и переживаний субъекта, а своеобразное инобытие форм деятельности и взаимодействий людей, превращение их в объективные для субъектов коллективные представления за счет взаимной типизации. Так, возникает одно из важнейших для понимания процесса развития и изменения социальных институтов противоречие. Это – противоречие между меняющимися, развивающимися формами деятельности людей и устойчивыми объективациями этой деятельности – институциональными представлениями, которые мы договорились инструментально называть институциями.

Как уже отмечалось, стержневой чертой этого противоречия является то, что практическая деятельность, причем деятельность трудовая, деятельность по преобразованию материального мира для нужд человека развивается в целом в направлении роста производительных сил (хотя в определенные исторические периоды возможны и отступления, деградация). Соответственно, социальные объективации этой деятельности (по Лукману и Бергеру – объективации второго порядка; я их называю институциями) со временем перестают быть адекватными способам деятельности людей и формам их взаимодействий в процессе, начинают мешать прогрессивным изменениям в них и, более того, становятся им враждебны. Напоминаю, что под институциями я понимаю общественные представления о должных формах устойчивых взаимодействий в обществе. В рамках различных дискурсов область существования институций можно определять по-разному. Можно относить их к разряду идеального, говорить о сфере общественных представлений, о сфере общественного сознания. В зависимости от трактовки феномена культуры, например, рассматривая ее как совокупность программных установок деятельности (В. С. Степин), можно говорить и о том, что институции есть важнейший элемент культуры. Но еще более важно то, что институции как представления людей, имеющие объективный характер, являются основой для учреждения конкретных организаций. В классической ситуации можно говорить, что они воспринимаются как само собой разумеющиеся, но важным свойством этих

представлений является то, что они, как правило, ценностно и идеологически окрашены. Возникают вопросы: «В чем смысл понятия организации?»; «Какую роль оно играет в анализе процесса эволюции институтов?».

На мой взгляд, представление об организациях позволяет уяснить механизм разрешения противоречия между институциями как объективацией типизированной деятельности людей в представлениях и постоянно развивающимися объективными формами этой деятельности. Как уже было сказано, организации создаются на основе институций, являясь организационно-нормативными формами, в рамках которых непосредственно происходит совместная деятельность людей в социуме. Организации представляют собой систему отношений, зафиксированную в принципах, нормах, иерархиях статусно-должностных позиций, являющуюся конкретным воплощением институциональных представлений о должных (желаемых, само собой разумеющихся) формах устойчивых взаимодействий в обществе (институций). Организации могут быть формальными и неформальными, легальными и нет. Как правило, легальные организации имеют формальный характер, т. е. основаны на принципах создания организации, в которых указывается ее социальная функция, а также нормы и правила, должностные позиции, прописанные в уставах, сводах правил и прочем. Нелегальные организации, как правило, не имеют формально закреплённой структуры. Например, организованные преступные группы имеют структуру, причем в определенных пределах достаточно единообразную, включающую нормы и правила, даже своего рода статусно-должностные позиции, но все это, конечно, не имеет формальной фиксации [6, с. 256]. При этом в истории можно встретить нелегальные, но вполне формальные организации. Например, в России при Александре I в 1822 г. рескриптом «О уничтожении масонских лож и всяких тайных обществ» было запрещено масонство, однако оно существовало на нелегальном положении и имело вполне формально закреплённую структуру.

Собственно говоря, организации можно определить как следующий (третий) порядок объективации типичных форм человеческой деятельности. Они (организации) возникают на «перекрестке» институций (общественных представлений о социальном порядке) и непосредственных интересов конкретных социальных групп и классов, господствующих в обществе, претендующих на универсальность предлагаемых ими организационных форм (организаций). То есть организации выстраиваются как своеобразный продукт общественного договора о фиксированных нормах и правилах взаимоотношений людей в процессе исполнения ими общественно значимых социальных функций

на базе институциональных представлений и в условиях конкретного социально-классового баланса интересов. Организации необходимы для того, чтобы организовывать непосредственную деятельность людей в достижении общественно значимых целей. При этом люди получают в наследство от прошлых поколений не просто типизированные, но также и формально закрепленные формы деятельности с четко прописанными диспозициями, регулирующими ролевое поведение, и санкциями за нарушение таковых. Тем не менее в основе системы организаций конкретного общества лежат те из них, которые организуют материальное производство. Это следует из того, что сами типизации базируются на единстве и совместном характере материального производства. В рамках марксистского дискурса речь идет о способе производства материальных благ, в основе которого лежат отношения собственности, существующие и как институция (общественные представления об отношениях собственности), и как организация (система законов, норм и правил, формально регулирующих отношения собственности в обществе).

Особенностью организаций является то, что они сознательно утверждаются и также сознательно могут быть реформированы или вовсе ликвидированы. В этом они отличаются от институций, которые, как правило, возникают как само собой разумеющиеся представления. Правда, есть еще заимствования институтов, которые могут осуществляться вполне сознательно, но о них речь пойдет ниже.

Необходимо отметить, что и институции, и организации выполняют важнейшую роль в регулировании человеческих взаимодействий. В социологии их различие позволяет уточнить многие понятия и, в частности, понятие социального института. Как правило, понятие социального института трактуют через систему ролей, однако в такой трактовке есть узкое место. Речь идет о том, что на самом деле любые институты состоят не из ролей в строгом смысле слова. Скорее, в рамках возможного перед человеком обозначается целый спектр, облако или, вернее сказать, воронка ролевых возможностей, среди которых есть и достаточно строгие, на сто процентов легитимные ролевые формы достижения предписанных институтом задач, есть и менее легитимные, более рискованные, но дающие шанс решить задачу, используя меньше ресурсов, с меньшими потерями или с большей скоростью. Есть способы, скорее официальные и достаточно жесткие, но есть в большей степени рассчитанные на включение личных качеств. Все это – не строго прописанные роли, правила и шаги, но ценностно окрашенные возможности, где путь лежит между строгим образцом и запретной границей, за которой лежат санкции, моральные или правовые.

Если говорить о взаимодействии институций и организаций, то представление о всех названных вариантах (возможностях) есть культурный феномен и часть того, что мы и называем институциями. Где в рамках культуры можно встретить эти представления? С одной стороны, в процессе социализации (общей в рамках конкретного института) человек наблюдает за поведением других, оценивая его, воспринимает чужую рефлексию по поводу их и своих действий. Кроме того, художественная культура в своих артефактах содержит громадное количество примеров поведения, тех или иных тактик в рамках тех или иных институтов (поведения в типичных ситуациях взаимодействий людей). Собственно говоря, любое литературное произведение, любой продукт кинематографа есть описание таких типов поведения, причем с ценностной точки зрения. Человек, выбирая возможный из них, черпает варианты ролевых действий из культурного багажа, исторически выработанного обществом.

Как уже было сказано, организации возникают на пересечении институций и конкретных интересов групп и классов, и поэтому в их архитектонике прямо заинтересованы конкретные люди как представители этих групп и классов. Причем для господствующих групп и классов (а такие группы всегда существуют в обществе, основанном на частной собственности с достаточно глубоким разделением труда) этот интерес в первую очередь консервативен, ибо социальный интерес господствующих слоев заключается в сохранении своего положения. В общем можно сказать, что интерес господствующих слоев и классов заключается в том, чтобы сохранять организации в неизменном состоянии, причем в первую очередь это относится к базовым организациям, структурирующим материальное производство.

Однако парадокс истории заключается в том, что это невозможно, ибо общественное производство постоянно развивается. Развиваются производительные силы, а следовательно, и отношения людей в процессе производства, меняются формы их взаимодействия. Со временем существующие организации начинают мешать развитию и утверждению новых форм взаимодействия людей, а таким образом, и мешать развитию материального производства. Следствием такого положения дел становится кризис системы организаций и вместе с ним институций, в соответствии с которыми эти организации создавались.

Проблема заключается в том, что организации и системы организаций, как было уже сказано выше, выполняют определенные функции в социальной организации общества. Но, когда правила и нормы существующих организаций перестают соответствовать возросшему уровню развития ма-

териального производства и производительных сил, т. е. правилам и нормам взаимодействий, необходимым в новых условиях, связанных с изменившимися материальными основаниями, появляется своего рода двоемыслие. Оно заключается в том, что наряду с формальными правилами функционирования организаций появляются правила неформальные, которые в большей степени соответствуют изменившимся условиям. Если формально закрепленные нормы и правила все в меньшей степени позволяют людям достигать своих целей в новой ситуации, то неформальные, наоборот, дают возможность достигнуть желаемого результата. Тут же возникает и новая статусная иерархия, несовпадающая с формальной. Появление неформальных, четко не артикулируемых правил и норм становится питательной почвой для злоупотреблений и коррупции разного рода, а существующие организации начинают восприниматься как нечто такое, что мешает осуществлению той деятельности, для которой эти организации и были созданы. Если рассуждать в философских терминах, можно сказать, что появляется и нарастает конфликт формы и содержания, где под содержанием подразумевается непосредственная деятельность в определенной сфере, а под формой – нормы и правила, регулирующие эту деятельность, институции и базирующиеся на них организации, т. е. объективации соответствующей деятельности в своей целостности. Более того, форма делается враждебной содержанию, начинает мешать содержанию, уничтожать его. Например, в истории неоднократно встречались ситуации, когда разного рода военные ведомства, содержанием которых было обеспечение обороноспособности страны, сохраняя устаревшую организацию вооруженных сил, наоборот, ослабляли обороноспособность. Так, например, случилось в Китае в конце XIX – начале XX в., когда военные институты в частности и вся система институтов в целом в своем консерватизме довели страну до унижительных поражений от ничтожных по численности экспедиционных корпусов европейских стран. Китай потерял суверенитет и был поставлен на грань колониального порабощения иноземными державами. В подобной ситуации господствующие институты делегитимизируются просто потому, что мешают актуальным практикам, а деятельность людей в соответствии с этими практиками, как правило, ведет к провалам. Так что одновременно происходит типизация новых способов деятельности, обычно в среде андеграундных групп либо групп, находящихся на низших ступенях иерархии и потому не заинтересованных в сохранении устаревших моделей взаимодействий, и делегитимация официальных организаций и институций, послуживших моделью для создания этих организаций.

В частности, диалектику институциональных изменений можно продемонстрировать на примере изменения института частной собственности в эпоху перехода от феодального к буржуазному обществу, когда происходила делегитимация базовых социальных институтов феодального общества вследствие развития производительных сил и повышения производительности труда. Классическое феодальное владение в структуре экономических отношений исключало денежные платежи крестьян. Поэтому все подати и повинности исполнялись в натуральном виде. Например, основным видом такой феодальной повинности был институт барщины – отработка крестьян на земле феодала. Такой тип производственной деятельности лежал в основании феодальной формы собственности на землю, когда владение землей было обусловлено вполне определенными условиями. Причем не безлично экономическими условиями, как арендные платежи, а исключительно личными. Феодалы владели землей на том основании, что брали на себя феодальные обязанности, а крестьяне за право обрабатывать свой участок земли были обязаны разными трудовыми повинностями. Долгие века такие отношения были вполне легитимны в обществе. То есть можно сказать, что социальный институт феодальной собственности в части поземельных отношений включал в себя вполне легитимные институции – представления о само собой разумеющихся отношениях людей в этой сфере. Эти институции стали плодом типизации форм трудовой деятельности, присущих классическому феодальному поместью, экономически замкнутому и имевшему своей производственной основой крайне низкий уровень земледельческих технологий, обеспечивающих в среднем «сам-3»–«сам-5» урожайности зерновых. Низкий технологический уровень предопределил относительную простоту трудового процесса и взаимоотношений людей в нем. Барщина предполагала примерно ту же урожайность, какую крестьянин имел на своем наделе. Из этого видно, как материальная основа трудовой деятельности предопределила отношения людей в процессе производства, которые, в свою очередь, отразились в институциях – представлениях о само собой разумеющихся нормативных формах взаимодействия людей в рамках феодального способа производства. На базе объективных производственных отношений и представлений, в определенной степени легитимирующих их, было создано множество организаций – замкнутых феодальных поместий с натуральным хозяйством.

Тем временем во всей Франции рос уровень производственных технологий, что привело к усложнению орудий труда, методов обработки земли и имущественному расслоению в деревне. Эффективные способы обработки земли вкуче с появле-

нием слоя крестьян, владеющих сложными средствами производства, в том числе пароконной упряжкой, предопределили расслоение и постепенную концентрацию условно крестьянской земли в их руках. Но чем более крупные участки получали зажиточные крестьяне для обработки, тем менее они готовы были покинуть их ради барщины – обработки господского надела в лучшие дни земледельческого сезона.

Ситуация сложилась так, что и крестьянину было неудобно отрываться от своего (условно) участка в разгар сельскохозяйственных работ, и феодалу был неудобен работник, работающий с лендой не на своей земле (что становилось все более значимым по мере совершенствования орудий труда и способов обработки земли). Так что вопрос ликвидации барщины стал делом времени. В России появилось даже выражение «работать, как на барщине», т. е. без желания, с лендой. В связи с этим барщина делегитимировалась как институция, став в глазах крестьян символом рабства. Однако делегитимация институции барщины и личных отношений зависимости происходила не только в глазах крестьян, но и в глазах феодалов. Сказался рост денежного обращения, когда феодалу было удобнее получать не натуральный продукт от барщины, а денежные платежи от аренды. Соответственно, изменились не только экономические отношения между феодалом и крестьянином, но и социальные.

В конце концов феодалы всю свою землю сдали в аренду крестьянам, получая денежные платежи. Также выкупались другие повинности, отвлекавшие крестьянина от его работы на своем участке: доходные статьи, баналитеты, вроде монопольных прав на помол зерна, выпечку хлеба или отжим винограда. Классические феодальные институции все более становились пустым звуком и теряли легитимность в глазах и крестьян, и самих феодалов. Соответственно, совокупность институций феодальных поземельных отношений также потеряла легитимность и у тех, и у других. Всевозможные феодальные права, ранее воспринимавшиеся вполне нормально, от вероятного *droit de cuissage* (права первой ночи) до более важных и достоверных прав, связанных с экономическими обязанностями крестьян, со временем стали восприниматься нетерпимо и попытки их осуществления часто становились поводами для крестьянских восстаний. Означенные институции уже не являлись само собой разумеющимися, а, скорее наоборот, воспринимались как нечто ненормальное и жестокое. Изменялось само феодальное поместье в сторону экономической открытости и вовлеченности в торговый, товарно-денежный оборот, а новые формы производственной деятельности, типизируясь, стали основой для формирования новых институций, приходящих на смену прошлым представлениям.

Так, в диалектической связи на базе изменения средств и способов труда изменялись отношения людей в процессе производства и отражающие их представления о нормативных формах – институциях, а также создаваемые на базе институций организации, т. е. поземельные отношения конкретных феодальных обществ, выраженные в обычном и писаном праве. На смену феодальным поземельным отношениям приходила нарождающаяся капиталистическая собственность, безличная и обусловленная только денежными арендными платежами. Смена базисного института повлекла за собой и смену других социальных институтов западноевропейского общества.

Все это говорит о том, что в основе формирования, изменения и ликвидации социальных институтов лежат изменения в сфере материального производства. Вследствие изменения (развития) средств и способов материального производства изменяются и отношения людей в процессе производства. Эти изменения одновременно порождают типизации новых способов взаимодействия людей и их восприятие (институции) и вступают в конфликт с нормами существующих организаций. Вследствие этого конфликта формальные нормы тем или иным способом обходятся людьми (аномия), так как их нормативный характер ставится под сомнение. А соответственно, происходит делегитимация существующих общественных представлений – институций, в результате чего на их месте возникают новые институции, созданные на базе типизаций новых способов взаимодействия между людьми. На базе новых институций создаются и новые организации.

В такой ситуации важнейшим становится вопрос о возможности реформирования существующих организаций. Казалось бы, нет никаких проблем в том, чтобы перестроить существующие организации в соответствии с новыми институциями, но, как уже было сказано, все процессы, о которых идет речь, есть не некие абстрактные течения истории, которая «пользуется человеком как средством для достижения своих целей». История есть «не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [7, с. 102]. Организации людей, осуществляющих ту или иную деятельность, состоят из формальных статусных позиций, и люди, занимающие высокостатусные позиции, заинтересованы в сохранении этих позиций, а следовательно, и самих организаций. Для этого они готовы всемерно защищать легитимность господствующих институций.

Дело в том, что чем более важную функцию в обществе выполняют те или иные институты, тем более высокостатусные позиции в них связаны с властью и высокими размерами общественного продукта, предоставляемыми в распоряжение людей, занимающих эти позиции. Оттуда и их интерес

в сохранении своего места в системе организаций и сохранении самих организаций. Соответственно, этими людьми рассматриваются только такие реформы, которые не затрагивают организации существенно, т. е. не ликвидируют организации как таковые, либо не меняют их столь кардинально, что существенно меняется и сама иерархия статусов, и правила отбора, восхождения по иерархической лестнице. В такой ситуации конфликт между меняющимися формами взаимодействий, обусловленными в конечном счете изменениями в их материальной деятельности, и формами, зафиксированными в соответствующих организациях, уже не решается с помощью реформ. Требуется слом одних организаций и возведение на их месте других. Причем обычно этот процесс осуществляется достаточно просто, ибо старые институты, на базе которых были выстроены устаревшие организации, к тому времени давно потеряли легитимность и утвердились новые институты, пускай и официально не признаваемые.

Итак, было рассмотрено, как и почему происходят социальные изменения в их классическом виде, причем продемонстрирована роль социальных групп, имеющих свои интересы в контексте социальных изменений. Однако анализ реалий постсоветских обществ и иных, не принадлежащих к ядру капиталистического мира, демонстрирует нам, что на практике ситуация несколько сложнее, так как прямо связана с процессами глобализации институциональных форм. Под глобальным характером социальных институтов как моделей социальных взаимодействий подразумевается ситуация, когда они формируются на базе доминирующих тенденций в экономической жизни наиболее влиятельных и богатых государств мира, но распространяются на весь мир, что приводит к унификации в экономике, социальной сфере и культуре. Вследствие этого на мировой периферии возникает противоречие между социальными институтами, сформированными на базе особенностей общественного производства доминирующих стран Запада, и институтами – моделями и, соответственно, организациями, которые соответствуют производственным отношениям и социальным практикам именно периферийных обществ.

Социальные институты, понимаемые как типовые модели системы человеческих взаимодействий, в определенной сфере отношений являются элементом общественного сознания, и, как уже сказано, в существенной степени глобального. Институты общества страны, воспринимаемой как образец «современности», являются образцом для периферии. Появляются иллюзии, которые заключаются в том, что создание системы конкретных организаций согласно этим «передовым» институтам должно обеспечить и все блага, которыми

пользуются доминирующие «современные» государства. Сам процесс строительства конкретных организаций в соответствии с институтами «современных» обществ называется модернизацией. Я пишу о современности в кавычках по той причине, что представление о современности тех или иных общественных отношений имеет весьма сложный характер, связанный и с экономическим и с политическим доминированием, и с идеологическими представлениями, и с многими другими [10, с. 39–46]. В контексте вышесказанного цели и задачи социального и экономического реформирования в обществе, которое стремится к достижению «современного» состояния, этим стремлением и определяется. А «Современное» состояние общества – это и есть комплекс социальных институтов, воспринимаемый как современный и этим уже априори ценный. В этом смысле можно обратить внимание на то, что общества, ощущающие себя не современными, а догоняющими, зачастую переживают ценность «современных» институтов куда острее обществ, осознающих себя «современными».

Однако не стоит представлять себе этот процесс безличным, роковым влиянием господствующей глобальной идеологии. Как мы уже говорили, социальные институты, формирующиеся в доминирующих странах глобального мира, прямо обусловлены социально-экономической ситуацией в них, причем непосредственными проводниками социальных и экономических особенностей являются влиятельные социальные группы (классы). Как уже было сказано, организации выстраиваются на базе социальных институтов, но в условиях конкретного социально-классового баланса интересов. Восприятие глобальных институтов как ценных (современных, прогрессивных) в обществах периферии и создание на их базе конкретных организаций формируется под воздействием интересов влиятельных групп (классов). А поскольку сегодня можно говорить о глобальной, взаимосвязанной экономике, то этого и групповые (классовые) интересы имеют не локальный, а глобальный характер.

Как бы то ни было, само представление о возможности строить систему взаимодействий людей в тех или иных сферах в соответствии с социальными институтами, выработанными в «современных» странах, игнорирует то, что социальные институты базируются на конкретных формах общественного производства. Не имея возможности скопировать особенности производственной системы, а это затруднительно как минимум потому, что страны периферии имеют отличную от доминирующих стран позицию в глобальной системе разделения труда, бессмысленно пользоваться означенными социальными институтами для выстраивания общественных отношений в своем обществе. К сожалению

нию, сам факт того, что институциональные нормы как инструмент социальных институций, представляющиеся как само собой разумеющиеся правила, мешает рефлексии над ними, и еще в большей степени этому мешают интересы влиятельных социальных групп.

Таким образом, в рамках социального института происходят два типа диалектических противоречий. Во-первых, противоречие между типизирующимися формами практической деятельности, причем в первую очередь деятельности, связанной с материальным производством, и объективацией более высокого порядка, достигающимися современности в наследство в форме институций, т. е. общественных представлений о должных и нормативных способах взаимодействий людей в той или иной сфере. Во-вторых, это противоречие между институциями и организациями. Под организациями подразумевается реализация (воплощение) институций (представлений) в организационных формах конкретно-исторического социального устройства. Организации, как правило, создаются осознанно и имеют формальную или не формальную нормативную и статусно-должностную структуру. Организации возникают на пересечении общественных институциональных представлений – институций – и интересов господствующих социальных групп и классов.

Вследствие конфликта новых способов практической деятельности и взаимоотношений людей с бытующими нормами существующих организа-

ций, формальные нормы тем или иным способом избегаются, а их нормативный характер ставится под сомнение. Соответственно, происходит делегитимация существующих общественных представлений – институций, в результате чего их место занимают институции, созданные на базе типизаций новых способов взаимодействия людей. На базе новых институций создаются и новые организации. Диалектика этих процессов позволяет рассматривать социальные институты как развивающиеся системы, включающие в себя:

- 1) типизации постоянно меняющейся деятельности людей в сфере общественного производства;
- 2) их объективацию в виде общественных представлений – институций;
- 3) социальные организации как реализацию этих представлений в узаконенные формы непосредственной деятельности людей в контексте их социально-классовых интересов.

Поэтому в онтологическом смысле социальный институт – это не вещь, не предмет, не объект, на который можно прямо указать или который можно пощупать. В реальной жизни социальный институт выступает как диалектический процесс, в рамках которого осуществляется перманентное взаимодействие и типизация форм практической деятельности, порождающих идеальные представления – институции, которые в конечном счете определяют архитектуру формальных организационных форм (организаций) в контексте тех или иных социально-классовых интересов.

Библиографические ссылки

1. Веблен Т. *Теория праздного класса*. Москва: Прогресс; 1984.
2. Фролов СС. *Социология*. Москва: Наука; 1994.
3. Бурдьё П. *Практический смысл*. Бикбов АТ, Вознесенская КД, Зенкин СН, Шматко НА, переводчики. Санкт-Петербург: Алетейя; 2001.
4. Бергер П, Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Руткевич Е, переводчик. Москва: Медиум; 1995.
5. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 37*. Москва: Политиздат; 1965.
6. Коннов АИ, Куликов ВИ, Овчинский АС, Овчинский ВС, Овчинский СС, Эминов ВЕ и др. *Основы борьбы с организованной преступностью*. Москва: ИНФРА-М; 1996.
7. Маркс К, Энгельс Ф. *Святое семейство, или Критика критической критики*. Москва: Госполитиздат; 1956.
8. Иноземцев ВЛ, редактор. *Новая постиндустриальная волна на Западе*. Москва: Academia; 1999.
9. *The Black Book of the Bologna Process* [Internet] [cited 2019 January 27]. Available from: https://tckeducation.files.wordpress.com/2010/11/bologna_black-book1.pdf.
10. Смирнов ВЭ. Модернизация и социальные инновации: проблемное поле объяснения. *Социологический альманах*. 2013;4:39–46.

References

1. Veblen T. *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. New York: B. W. Huebsch; 1934. Russian edition: Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa*. Moscow: Progress; 1984.
2. Frolov SS. *Sotsiologiya*. Moscow: Nauka; 1994. Russia.
3. Bourdieu P. *Le sens pratique*. Paris: Les Editions de Minuit; 1980. Russian edition: Burd'e P. *Prakticheskii smysl*. Bikbov AT, Voznesenskaya KD, Zenkin SN, Shmatko NA, translators. Saint Petersburg: Aleteiya; 2001.

4. Berger P, Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. New York: Penguin Books; 1966.
Russian edition: Berger P, Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. Rutkevich E, translator. Moscow: Medium; 1995.
5. Marx K, Engel's F. *Sochineniya. Tom 37* [Works. Volume 37]. Moscow: Politizdat; 1965. Russian.
6. Konnov AI, Kulikov VI, Ovchinskii AS, Ovchinskii VS, Ovchinskii SS, Eminov VE, et al. *Osnovy bor'by s organizovannoi prestupnost'yu* [Fundamentals of the fight against organized crime]. Moscow: INFRA-M; 1996. Russian.
7. Marx K, Engels F. *Die heilige Familie, oder Kritik der kritischen Kritik. Gegen Bruno Bauer and Consorten*. Frankfurt am Main: Marx-Engels-Archiv Verl.-Ges.; 1932.
Russian edition: Marx K, Engels F. *Svyatoe semeistvo, ili Kritika kriticheskoi kritiki*. Moscow: Gospolitizdat; 1956.
8. Inozemtsev VL, editor. *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade* [New post-industrial wave in the West]. Moscow: Academia; 1999. Russian.
9. *The Black Book of the Bologna Process* [Internet] [cited 2019 January 27]. Available from: https://tckeducation.files.wordpress.com/2010/11/bologna_black-book1.pdf.
10. Smirnov V. Modernization and social innovations: the problem field of explanation. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 2013; 4:39–46.

Статья поступила в редколлегию 09.01.2019.
Received by editorial board 09.01.2019.